

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

На втором этаже в зрительской части планируется буфет (ресторан расположить негде, с сожалением сообщили проектировщики), а также несколько комнат отдыха для VIP. В актёрской части второго этажа два больших репетиционных зала — по 500 кв. м площадью и высотой 8 м.

На третьем этаже в зрительской части — фойе балкона, в актёрской — ещё два репетиционных зала; в зрительской части больше этажей нет, а в актёрской на четвёртом этаже расположены столовая и медпункт.

Пятый этаж — технический, здесь планируется разместить климатические установки. Шестой этаж — колосники.

Питерцы очень гордятся проектом потолочного перекрытия зрительного зала, которое они разработали для новой сцены Мариинского театра. Оно, по словам «випсовцев», способствует очень хорошей акустике.

Общая площадь здания — 30 тыс. кв. м, а площадь застройки — 5250 кв. м. Строительный объём — 170 куб. м (у Чипперфильда — 214 куб. м), высота зрительного зала — 23 м (у Чипперфильда — 20 м). Площадь зрительской части — 4000 кв. м (у Чипперфильда — 3500 кв. м). Буфет по сравнению с предыдущим проектом уменьшился: 180 кв. м вместо 400. Помещения для обслуживания сцены выросли принципиально — 6000 кв. м вместо 2654 кв. м в проекте Чипперфильда. Репетиционный зал для оркестра — 350 кв. м против 309 у Чипперфильда, помещения для артистов — 1915 кв. м вместо 1564 кв. м. Увеличились и репетиционные залы хора и балета, административные помещения, столовая и многие другие служебные помещения, а инженерная часть увеличилась почти вдвое: 7121 кв. м вместо 3692 кв. м. Наконец, главное: площадь сцены в новом проекте — 630 кв. м, тогда как в прежнем было 596 кв. м.

«Хорошо садится»

Представители КБ ВиПС особенно подчеркнули, что новый проект принципиально дешевле старого: 4 млрд руб. вместо 7,5 млрд руб. На реконструкцию старого здания предусматривается выделение 700 млн руб., но, как сказал Владимир Рыбакин, эта сумма ещё может быть пересмотрена.

Проект КБ ВиПС легкорезализуем. Планируется строительство в течение трёх лет, но при хорошей организации можно справиться за два, считают питерцы.

По мнению Андрея Панфёрова, новый проект «хорошо садится» на площадку в Разгуляе, по адресу ул. Ленина, 2а, за памятником Татищеву. Однако у пермских архитекторов это вызывает сомнения. По словам архитектора Игоря Лугового, автора альтернативного доклада, здесь невозможно организовать парковку автомобилей, здание займёт отведённый земельный участок впритык.

Пермские архитекторы предложили две другие возможные площадки.

Первая — угол улиц Попова и Петропавловской, на месте старой кондитерской фабрики. Минус этого места — то, что оно в чьей-то собственности, его надо выкупать.

Зато напротив, на городской эспланаде, где сейчас стоит главная городская ёлка, земля муниципальная и даже зонирование подходящее (его изменили, когда два года назад планировали построить подземный торговый центр). Идея построить театр на эспланаде нравится и пермским архитекторам, и руководству театра. Вот только неизвестно, как горожане отнесутся к лишению традиционного места отдыха. Как справедливо заметила Галина Кокоулина: «Важно, чтобы жители театр полюбили».

Разумные сомнения

С критикой предложенного проекта попытался выступить генеральный менеджер Пермского театра оперы и балета Марк де Мони, который сказал, что он — «голос Теодора Курентзиса, и этот голос должен быть услышан». По его словам, во-первых, на протяжении всего обсуждения театр представал перед слушателями как коробка, наполненная функционалом. Об архитектурных достоинствах проекта не было сказано ни слова. Между тем, по мнению де Мони, выражающего точку зрения художественного руководства театра, архитектурные качества — ключевой фактор для столь важного культурного объекта. В этом его поддержал председатель Пермского союза архитекторов Виктор Воженников, который сказал, что здание должно быть уникальным.

Уникальность и архитектурные достоинства объекта проектировщики

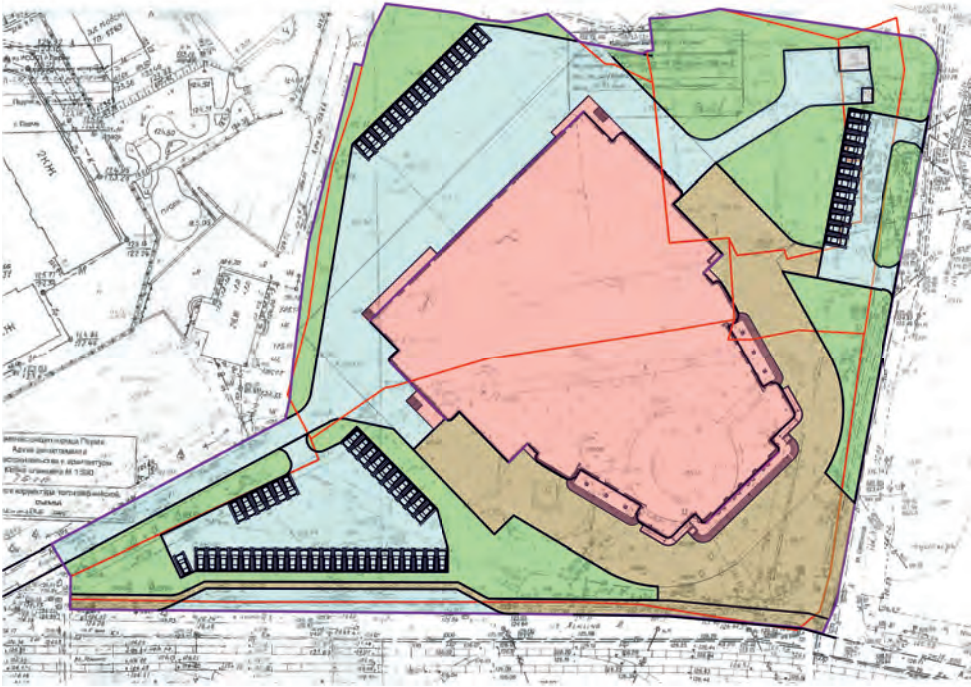

Схема размещения нового здания Пермского театра оперы и балета в Разгуляе

не были готовы обсуждать. «Мы сегодня собрались, чтобы обсудить функционал», — сказал Кшиштоф Поморски и неожиданно резко высказался по поводу международных архитектурных конкурсов (пермский конкурс, в котором победил проект Дэвида Чипперфильда, он назвал «кривым») и приглашения зарубежных архитекторов. Было забавно слышать это от поляка.

Второе сомнение, высказанное Марком де Мони, — это акустика. По его мнению (и, видимо, по мнению Теодора Курентзиса), в создании проекта должны участвовать мировые светила акустического проектирования, желательнее Ясухиса Тойота. «Акустика — это ключевой фактор для любого музыкального театра».

Представители КБ ВиПС согласились, что Тойота — гениальный акустик, но предложили решать проблемы постепенно: сначала принять проект, затем работать над деталями. В то же время высказали некоторые сомнения относительно возможности принять «трудновыполнимые требования Тойоты»: по словам Кшиштофа Поморски, японец использует для внутренней отделки залов дерево — так называемую «резонансную ель», а российские нормы этот материал запрещают в залах вместимостью свыше 800 человек.

В целом руководство Пермского театра оперы и балета считает, что должно

участвовать в составлении технического задания для проектировщиков, а не получать готовый проект в качестве сюрприза.

Есть пространство для компромисса

Встреча завершилась очень эмоционально. Было понятно, что заинтересованные стороны во что бы то ни стало будут настаивать на своих интересах.

Правительству Пермского края почему-то принципиально важно, чтобы КБ ВиПС остался в проекте в качестве основного исполнителя, и в то же время почему-то ни за что не хочется, чтобы это КБ перерабатывало проект англичанина Дэвида Чипперфильда. Чипперфильд же, по словам Галины Полушкиной, не против того, чтобы его пристрой был переделан в отдельное стоящее здание.

Театру же принципиально важно получить здание, имеющее архитектурную ценность и обладающее безупречной акустикой.

Владимир Рыбакин предложил расстаться на неделю и обдумать новую информацию. «Если через неделю не примем решения, придётся вычёркивать этот объект из перечня объектов капитального строительства. У нас уже времени нет», — пригрозил вице-премьер.

«Мы не можем наступать на те же грабли»

Галина Полушкина, исполнительный директор Пермского театра оперы и балета:

— Оценить этот проект мы пока не можем: он для нас совершенно новый, надо смотреть, анализировать. Хорошо, если за основу взято техническое задание, которое мы составляли для работы с проектом Дэвида Чипперфильда, но мы этого не знаем. Конечно, есть большой плюс — то, что будут строить именно новую сцену, тогда как в последнее время нам навязывали проект концертного зала. Второй плюс — теперь ни у кого нет сомнений, что от возведения пристроя надо отказаться и строить отдельно стоящее здание.

Однако вызывает сомнение команда проектировщиков (КБ ВиПС) и их подход к работе. Напомню: это те самые люди, которые на протяжении трёх лет работали над проектом пристроя, тем самым проектом, который сегодня они называют нерезализуемым. В кулуарах они уже тогда говорили, что выполнить техническое задание без ущерба для исторического здания театра невозможно, и тем не менее брались за заведомо невыполнимую работу. Честный подрядчик должен был бы все сомнения обозначить на старте.

Мы не можем наступать на те же грабли и поручать проектирование небезупречной компании. Да, КБ ВиПС связано с несколькими крупными проектами в Санкт-Петербурге, но все они в процессе строительства значительно вырастали в цене, а время реализации растягивалось в несколько раз. Так было, например, при строительстве Мариинки-2 и реконструкции Большого драматического театра им. Георгия Товстоногова.

«Мы понимаем, что строим театр не для себя»

Марк де Мони, генеральный менеджер Пермского театра оперы и балета:

— Представленный КБ ВиПС проект лишён какого-либо архитектурного достоинства. Как можно буквально «наклеить» архитектуру — на выбор, вот вам, например, Карловы Вары?

Что касается акустики: одна из главных проблем проекта Чипперфильда заключалась в том, что специалиста по акустике Ясухису Тойоту привлекли слишком поздно, когда он уже не мог повлиять на геометрию зала и на другие ключевые параметры, а мог только встроить акустику в уже заданные рамки. Акустик должен принимать участие в разработке проекта с самого первого дня.

Сейчас нам активно предлагают проект, в котором КБ ВиПС выступает и архитектором (по принципу *coru-paste*), и акустиком — неизвестно, по какому принципу.

Мои слова о том, что я представляю голос Курентзиса, вызвали бурное негодование присутствующих. Безусловно, это не театр имени Теодора Курентзиса. Именно поэтому этот вопрос так важен. Театр строится для будущих поколений. Он должен быть спроектирован признанным архитектором мирового значения совместно с акустиком с мировым именем. Всё остальное — деньги на ветер. К слову, Дэвид Чипперфильд давно заявил о готовности переработать свой проект под отдельно стоящее здание.

Мы понимаем, что строим театр не для себя. Мы уйдём рано или поздно, а театр останется. Именно поэтому мы настаиваем на том, чтобы это был достойный проект театра, которым Пермь сможет гордиться.